

О. С. МУРАВЬЕВА

КАК ВОСПИТЫВАЛИ РУССКОГО ДВОРЯНИНА

•

*Опыт знаменитых семей России –
современным родителям*

Ольга Муравьева

**Как воспитывали
русского дворянина. Опыт
знаменитых семей России
– современным родителям**

«ЭКСМО»

2013

Муравьева О. С.

Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям / О. С. Муравьева — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67466-4

Книга потомка знаменитого дворянского рода, ученого-филолога Ольги Сергеевны Муравьевой предоставляет возможность совершить увлекательное путешествие в Россию XIX века, познакомиться с жизнью лучших дворянских семей, почерпнуть много интересного и полезного из их опыта воспитания детей. Известно, какие незаурядные личности вырастали порой в дворянских семьях: высокий интеллект и душевная тонкость уживались в них с бесстрашием и твердостью духа, блестящие успехи на военном или служебном поприще сочетались с кристальной честностью и благородством. Как мужчины, так и женщины проявляли редкую способность ладить с окружающими, сохранять достоинство в любой ситуации, быть мужественными и стойкими перед лицом испытаний. О.С. Муравьева подробно описывает тот идеал, на достижение которого ориентировали дворянских детей, демонстрирует приемы и методы, с помощью которых развивались в них необходимые качества. В книге много увлекательных выдержек из мемуаров, писем, дневников дворян позапрошлого столетия, которые помогают лучше понять, как привитые им в детстве принципы реализовывались в реальной жизни, несмотря на любые разочарования и невзгоды. Книга рассчитана на широкий круг читателей и будет интересна как родителям, так и воспитателям и учителям.

ISBN 978-5-699-67466-4

© Муравьева О. С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	7
Вступление	9
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Муравьева

Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям

© Муравьева О.С., текст, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*«Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа»
А. С. Пушкин. Роман в письмах*

Предисловие

Помню, как в клубе критиков питерского Дома кино обсуждали фильм Е. Мотыля «Звезда пленительного счастья». По ходу разговора встал вопрос и о степени достоверности, с которой воссоздаются на экране люди и события 1820-х годов. Многие говорили с раздражением, что опять наши актеры как ряженые в этих мундирах и бальных платьях, что у «кавалергардов» манеры воспитанников ПТУ, а «светские дамы» кокетничают, как продавщицы мороженого, и т. д., пока один историк не поинтересовался, кто из присутствующих рискнул бы появиться в аристократическом салоне XIX века? Присутствующие примолкли... Историк напомнил, что К. С. Станиславский, который, как говорится, не на конюшне воспитывался, готовясь к роли Арбенина в лермонтовском «Маскараде», ходил к А. А. Стаховичу, славившемуся своими безукоризненными манерами аристократа, обучаться тонкостям «хорошего тона». Сегодня же нашим артистам с этой целью ходить не к кому, и потому спрашивать с них нечего.

Мой научный руководитель, известный пушкинист Н. В. Измайлов, прекрасно помнил дореволюционное русское общество. Когда по телевидению демонстрировался многосерийный фильм – экранизация романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам», я спросила у него, насколько похожи герои фильма на офицеров царской армии? «Нисколько не похожи, – твердо сказал Николай Васильевич. – То были интеллигентнейшие люди, а эти... Лица, манеры...» Я примирительно заметила, что все-таки актрисы, играющие Дашу и Катю, очень красивы. Старик равнодушно пожал плечами: «Хорошенькие гризетки...»

Конечно, актеры не виноваты: они не могут сыграть людей, которых никогда не видели.

Русский аристократ XIX века – это совершенно особый тип личности. Весь стиль его жизни, манера поведения, даже внешний облик – несли на себе отпечаток определенной культурной традиции. Именно поэтому современному человеку так трудно его «изобразить»: подражание лишь внешним особенностям поведения выглядит нестерпимо фальшиво. (Наверное, примерно так выглядели те купцы, которые подражали исключительно красивому антуражу дворянской жизни, оставаясь равнодушными к духовным ценностям дворянской культуры.)

С другой стороны, сосредоточившись только на духовных ценностях, можно упустить из виду, как реализовывались они в практике повседневной жизни. Так называемый *bon ton*¹ состоял в органичном единстве этических и этикетных норм. Поэтому для того, чтобы представить себе русского дворянина в его живом облике, необходимо видеть связь между правилами поведения и этическими установками, принятыми в его кругу.

Дворянство выделялось среди других сословий русского общества своей отчетливой, выраженной ориентацией на некий умозрительный идеал. Во второй половине XVIII века дворянская элита, мечтающая о лидерстве своего сословия в политической, общественной и культурной жизни России, справедливо усматривала основную преграду к достижению этой цели в удручающе низком культурном уровне подавляющего большинства русских помещиков. (Исчерпывающее представление о нем дает знаменитая комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль».) Но, не смущаясь непомерной трудностью задачи, идеологи и духовные вожди дворянства брались воспитать из детей Простаковых и Скотининых просвещенных и добродетельных граждан, благородных рыцарей и учтивых кавалеров. Эта цель в той или иной степени проявляется в различных сферах дворянской культуры от литературы до быта. Особое значение в этой связи, естественно, приобретало воспитание детей.

¹ Хороший тон (франц.).

К дворянским детям применялось так называемое «нормативное воспитание», т. е. воспитание, направленное не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребенка, сколько на то, чтобы отшлифовать его личность соответственно определенному образцу.

С позиций современной педагогики недостатки такого воспитания очевидны. Вместе с тем нельзя не заметить, что порой оно приносило удивительные плоды. В XIX веке в России встречались люди, поражающие нас сегодня своей почти неправдоподобной честностью, благородством и тонкостью чувств. Литературные описания, портреты живописцев передают их особенное, забытое обаяние, которому мы уже не в силах подражать. Они выросли такими не только благодаря незаурядным личным качествам, но и благодаря особому воспитанию. Мы попытаемся здесь описать тот идеал, на достижение которого ориентировали дворянского ребенка, и продемонстрировать те методы и приемы, с помощью которых воспитатели стремились развить в подопечном нужные качества.

При этом необходимо иметь в виду, что «дворянское воспитание» – это не педагогическая система, не особая методика, даже не свод правил. Это, прежде всего, образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания; это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают. Поэтому важны не столько теоретические предписания, сколько те принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении. Следовательно, полезнее обращаться не к учебникам хорошего тона, а к мемуарам, письмам, дневникам, художественной литературе. Многочисленные примеры из жизни английского и французского высшего общества оправданны и даже необходимы, ибо русское дворянство Петровской и послепетровской эпохи сознательно ориентировалось на западную модель поведения и стремилось усвоить европейские нормы быта и этикета.

Понятие «дворянский тип поведения», конечно, крайне условно; как и любой обобщенный образ, образ «русского дворянина» не может вместить в себя все многообразие человеческих индивидуальностей. Однако можно отобрать из всего этого многообразия черты, наиболее характерные и исторически значимые.

Говоря словами Пушкина, у каждого сословия были свои «пороки и слабости», были они, конечно, и у русского дворянства, идеализировать его не нужно. Но о «пороках» в предыдущие десятилетия сказано более чем достаточно, сегодня стоит вспомнить и о том хорошем, что было в русском дворянстве. В дворянских обычаях и дворянском воспитании многое неразрывно связано с бытом ушедшей эпохи; определенные утраты в любом случае были бы естественны и неизбежны. Но есть утраты, которых могло бы и не быть. Сейчас это делается все более очевидным, и потому начинают робко возрождаться некоторые забытые традиции. Для того чтобы, по мере возможности, помочь их возрождению, и написана эта книга.

Вступление

Отношение современного общества к дворянской жизни прошлого века порой вызывает иронические реплики, смысл которых сводится к тому, что подавляющее большинство сегодняшних ревнителей дворянских обычаев составляют потомки вовсе не князей и графов, а крепостных крестьян. Позиция не только бестактная, но и неумная: стихи Пушкина и романы Тургенева читал очень узкий круг людей, исчерпывавший тогда образованную Россию, но великие русские писатели знали, что пишут не только для них, но и для внуков тех, кто «ныне дик».

То же можно сказать и о выработанных привилегированным сословием нравственных нормах. Пушкин рассуждал: «Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они *sauve garde*² трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества». Известный юрист, историк и общественный деятель К. Д. Кавелин считал, что поколение людей Александровской эпохи «всегда будет служить ярким образцом того, какие люди могут вырабатываться в России при благоприятных обстоятельствах». Можно сказать, что в дворянской среде развивались и совершенствовались те качества русского человека, которые в идеале должны были со временем проникнуть и в ту среду, где пока «некогда было их развивать».

Опыт европейских стран, надежда на успехи просвещения и цивилизации в России, наконец, простое сочувствие к обездоленным соотечественникам – все питало веру в то, что в будущем постепенно сгладится неравенство разных слоев русского общества и дворянская культура во всем ее объеме (от произведений искусства до хороших манер) станет достоянием всех сословий, будет общим законным наследством свободных и просвещенных граждан России XX века... К несчастью, русская история пошла совсем другим, трагическим и кровавым путем; естественная культурная эволюция была прервана, и теперь можно только гадать, каковы были бы ее результаты. Быт, стиль отношений, неписанные правила поведения оказались едва ли не самым хрупким материалом; его нельзя было укрыть в музеях и библиотеках, а сохранить в практике реальной жизни оказалось невозможным. Попытки вернуть утраченное путем обучения «хорошим манерам» не могут принести желаемого результата. В «Повести о Сонечке» М. Цветаевой молодой актер размышляет об уроках «хорошего тона», которые давал ученикам театральной студии А. А. Стахович: «Для меня его поклон и бонтон – не ответ, а вопрос, вопрос современности – прошлому, мой вопрос – тем, и я сам пытаюсь на него ответить. (...) Стаховичу эти поклоны даны были отродясь, это был дар его предков – ему в колыбель. Я пришел в мир – голый, но хоть и голый, я не должен бессмысленно одеваться в чужое, хотя бы прекрасное платье».

Чтобы это «прекрасное платье» – привлекательные внешние черты быта и облика дворянства – стало пусть не своим, но, по крайней мере, понятным и знакомым, необходимо представлять себе и этический смысл этикетных норм, и исторический контекст, в котором эти нормы формировались.

Попытаемся же если не восстановить, то вспомнить некоторые черты исчезнувшего общества.

² Охрана (франц.).

Глава 1

Хорошее общество

«Il n'y a qu'une seule bonne société c'est la bonne».

«Нет иного хорошего общества, кроме хорошего».

А. С. Пушкин. Из разговора

Как-то раз, желая кольнуть собеседника, гордящегося своей близостью к высокопоставленным особам, Пушкин рассказал выразительный эпизод. Он был у Н. М. Карамзина, но не мог толком с ним поговорить, так как к историографу, один за другим, приезжали гости. Как нарочно, все эти визитеры были сенаторами. Проводив последнего, Карамзин сказал Пушкину: «Avezvous remarqué, mon cher ami, que parmi tous ces messieurs li n'y avait pas un seul qui soit un homme de bonne compagnie?»³

Это уточнение для нас чрезвычайно важно, ибо те личные качества и нормы поведения, о которых у нас пойдет речь, были характерны именно для «хорошего», а не вообще дворянского или так называемого светского общества.

Другое дело, что в тех исторических обстоятельствах «хорошее общество» составляли почти исключительно дворяне. Следует признать, истинно воспитанных (в понимании Пушкина и Карамзина) людей и тогда было не так уж много. Недаром, делая запись в своем дневнике о смерти князя Кочубея, Пушкин замечает: «... он был человек хорошо воспитанный – и это у нас редко, и за это спасибо».

Когда мемуарист М. И. Жихарев употребляет выражение «смердящее большинство», он имеет в виду отнюдь не смердов, не крепостных крестьян, которые по понятным причинам вообще никакого участия в общественной жизни не принимали, а большинство людей своего круга, в том числе и «великолепных барынь и людей в голубых и других разных цветов лентах при крупных чинах и с громкими именами».

В то же время, как вспоминал К. Д. Кавелин, «Таланты, выходявшие из народа, хотя бы из крепостных, даже люди, подававшие только надежду сделаться впоследствии литераторами, учеными, художниками, кто бы они ни были, принимались радушно и дружески, вводились в кружки и семьи на равных правах со всеми. Это не была комедия, разыгранная перед посторонними, а сущая, искренняя правда – результат глубокого убеждения, перешедшего в привычки и нравы, что образование, талант, ученые и литературные заслуги выше сословных привилегий, богатства и знатности».

Если эти слова кому-то покажутся преувеличением, то вот свидетельство графа В. А. Соллогуба, аристократа и царедворца, проведшего всю жизнь в большом свете. «Нет ничего нелепее и лживее, как убеждение о родовом чванстве русской аристократии», – утверждал он и приводил в пример князя В. Ф. Одоевского, представителя древнейшего в России дворянского рода, который был человеком на редкость скромным, упоминавшим о своем аристократическом происхождении не иначе как в шутку. «Тем не менее, – пишет Соллогуб, – он был истинный аристократ, потому что жил только для науки, для искусства, для пользы и для друзей, т. е. для всех порядочных и интеллигентных людей, с которыми встречался».

Перефразируя высказывание Россини, что есть только два рода музыки – хорошая и дурная, Соллогуб говорил, что в России «существуют тоже только два рода людей – образованные и необразованные».

³ Вы заметили, мой дорогой друг, что из всех этих господ ни один не принадлежит к хорошему обществу? (франц.).

Не забывая, что в понятие «образование» вкладывали тогда очень широкий смысл, отметим, что ценности, которые культивировались «просвещенным меньшинством», могут оказаться небесполезными и сегодня. Как утверждал Пушкин (имевший возможность наблюдать и сравнивать): «Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные».

Глава 2

Служить верно

«Служи верно, кому присягнешь».
А. С. Пушкин. Капитанская дочка

Мироощущение дворянина во многом определялось положением и ролью в государстве дворянского сословия в целом. В России XVIII – первой половины XIX века дворянство являлось сословием привилегированным и служивым одновременно, и это рождало в душе дворянина своеобразное сочетание чувства избранности и чувства ответственности. Отношение к военной и государственной службе связывалось в понимании дворянина со служением обществу, России.

Когда Чацкий из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» с вызовом заявляет: «Служить бы рад, прислуживаться тошно» – он имеет в виду, что в реальности служба Отечеству часто подменялась службой «лицам», вельможам и высокопоставленным чиновникам. Но заметим, что даже независимый и своевольный Чацкий, в принципе, против службы не выступает, а лишь возмущается тем, что это благородное дело дискредитируется корыстными и недалекими людьми.

Несмотря на то, что государственной службе часто противопоставлялась частная деятельность независимых людей (подобную позицию в той или иной форме отстаивали Новиков, Державин, Карамзин), глубокого противоречия здесь не было.

Во-первых, разногласия касались, в сущности, того, на каком поприще можно принести больше пользы Отечеству; самое же стремление приносить ему пользу под сомнение не ставилось.

Во-вторых, даже не состоящий на государственной службе дворянин не был в полном смысле этого слова частным лицом: он был вынужден заниматься делами своего имения и своих крестьян.

Один из пушкинских героев по этому поводу заметил: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши».

Разумеется, далеко не каждый помещик столь ясно осознавал свой гражданский долг, но несоответствие этим идеалам воспринималось как поведение недостойное, заслуживающее общественного порицания, что и внушалось сызмальства дворянским детям.

Правило «служить верно» входило в кодекс дворянской чести и, таким образом, имело статус этической ценности, нравственного закона.

Этот закон признавался на протяжении многих десятилетий людьми, принадлежавшими к разным кругам дворянского общества. Обратим внимание на то, что такие разные люди, как небогатый помещик Андрей Петрович Гринев, не читающий ничего, кроме Придворного календаря, и европейски образованный аристократ князь Николай Андреевич Болконский, провожая своих сыновей в армию, дают им, в общем, похожие напутствия.

«Батюшка сказал мне: Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». (А. С. Пушкин. Капитанская дочка.)

«Целуй сюда, – он (старый князь. – О. М.) показал щеку, – спасибо, спасибо!»

– За что вы меня благодарите?

– За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! (...)

– Теперь слушай: письмо Михайлу Иларионовичу отдай. Я пишу, чтоб он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность! (...) Да напиши, как он тебя примет. Коли хорош будет, служи. Николая Андреича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет».
(Л. Н. Толстой. Война и мир.)

Дворянское чувство долга было замешено на чувстве собственного достоинства, и служба Отечеству являлась не только обязанностью, но и правом. В этом отношении очень показательна сцена из романа «Война и мир», где князь Андрей приходит в бешенство от развязных шуток Жеркова по адресу генерала Мака – командующего армией союзников, только что потерпевшей сокрушительное поражение.

– «Да ты пойми, что мы – или офицеры, которые служим своему царю и отечеству и радуемся общему успеху и печалимся об общей неудаче, или мы лакеи, которым дела нет до господского дела».

Разница между службой дворянской и службой лакейской усматривается в том, что первая предполагает личную и живую заинтересованность в делах государственной важности.

Дворянин служит царю, как вассал сюзерену, но делает общее с ним дело, неся свою долю ответственности за все, происходящее в государстве.

Когда на шаловливый вопрос маленького мальчика «А я когда буду царем?» мать серьезно отвечает: «Ты царем не будешь, но если захочешь, ты можешь помогать царю», – она незаметно внушает сыну один из основных принципов дворянской этики. (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы.)

Дворянская фронда в основном и была отстаиванием своего права «помогать царю», отстаиванием своего законного, природного права на участие в управлении государством.

Известная фраза Грибоедова из письма к С. Бегичеву: «...а ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести» – носит, конечно, демонстративно вызывающий, эпатажный характер. Эта позиция была популярна среди молодежи 1810-х годов, у которой резкое недовольство государственным устройством России рождало убеждение, что долг чести – не служить такому государству, а стремиться его переделать. Именно такие настроения во многом предопределили движение декабристов. Однако они не стали характерной чертой дворянского мировоззрения вообще. Заметим, что и сам Грибоедов, как известно, не отказался в свое время от важного государственного поста и погиб, исполняя свой долг.

Нужно подчеркнуть, что ревностное отношение к службе не имело ничего общего с верноподданничеством или карьеризмом.

Выразительный пример в этом отношении являл собой адмирал Николай Семенович Мордвинов. Адмирал славился смелостью и независимостью суждений и поступков; он был единственным из членов следственной комиссии по делу декабристов, выступившим против смертного приговора. Пушкин писал, что Мордвинов «заключает в себе одном всю русскую оппозицию», а К. Рылеев посвятил ему оду «Гражданское мужество». Мордвинов не раз попадал в опалу, но никогда не отказывался от предложения занять тот или иной государственный пост. Он говорил, что «каждый честный человек не должен уклоняться от обязанности, которую на него возлагает Верховная власть или выбор граждан».

Вплоть до последних лет существования царской России, когда, говоря словами Александра Блока, уже «записались в либералы честнейшие из царских слуг», дворянству было решительно не свойственно то подчеркнуто негативное, брезгливое отношение к государственной службе, которым в той или иной степени бравировали все поколения оппозиционной русской интеллигенции.

Глава 3

Честь превыше всего

*«Я всякую себе могу обиду снести,
но одной не стерплю, которую терпит честь».*

А. П. Сумароков. О люблених добродетели

«... во всем блеске своего безумия».

А. С. Пушкин. Из публицистики

Одним из принципов дворянской идеологии было убеждение, что высокое положение дворянина в обществе обязывает его быть образцом высоких нравственных качеств. Рациональная схема иерархии социальных и моральных ценностей, обосновывавшая такое убеждение, сохраняла актуальность в XVIII веке, затем на смену ей пришли более сложные концепции общественного устройства, и постулат о нравственной высоте дворянина постепенно преобразовался в чисто этическое требование: «Кому много дано, с того много и спросится». (Эти слова не устал повторять своим сыновьям великий князь Константин (поэт К. Р.) уже в начале XX века.)

Очевидно, в этом духе воспитывали детей во многих дворянских семьях. Вспомним эпизод из повести Гарина-Михайловского «Детство Темы»: Тема запустил камнем в мясника, который спас мальчика от разъяренного быка, а потом надрал ему уши, чтобы не лез, куда не надо. Мать Темы очень рассердилась: «Зачем ты волю рукам даешь, негодный ты мальчик? Мясник грубый, но добрый человек, а ты грубый и злой!.. Иди, я не хочу такого сына!

Тема приходил и снова уходил, пока наконец само-собой как-то не осветилось ему все: и его роль в этом деле, и его вина, и несознаваемая грубость мясника, и ответственность Темы за созданное положение дела.

– Ты, всегда ты будешь виноват, потому что им ничего не дано, а тебе дано; с тебя и спросится».

Подчеркнем, что решающая установка в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал.

Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы достичь чего бы то ни было (славы, богатства, высокого чина), а потому что он дворянин, потому что ему много дано, потому что он должен быть именно таким. (Резкая критика дворянства дворянскими же писателями – Фонвизиним, Пушкиным и др. – обычно направлена на тех дворян, которые не соответствуют этому идеалу, не выполняют своего предназначения.)

Едва ли не главной сословной добродетелью считалась дворянская честь, *point d'honneur*. Согласно дворянской этике «честь» не дает человеку никаких привилегий, а напротив, делает его более уязвимым, чем другие. В идеале честь являлась основным законом поведения дворянина, безусловно и безоговорочно преобладающим над любыми другими соображениями, будь это выгода, успех, безопасность и просто рассудительность. Граница между честью и бесчестьем порой была чисто условной, Пушкин даже определял честь как «готовность жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила». В другом месте он писал: «Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав».

Не только с точки зрения «мирного алеута», но и с позиции здравого смысла дуэль была чистым безумием, ибо цена, которую приходилось платить обидчику, была слишком высока.

Тем более что часто дворянина толкали на дуэль соображения достаточно суетные: боязнь осуждения, оглядка на «общественное мнение», которое Пушкин называл «пружиной чести».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.